

Обетное строительство в Москве «на рву» и в Пскове «на гребле»:

закономерности сакральной топографии средневекового города

Андрей Баталов

Статья посвящена вопросам зонирования обетного храмостроительства в средневековом городе. Впервые рассматривается феномен формирования особых участков церковного строительства на берегах крепостных рвов. Выбор территории перед городскими укреплениями для сооружения храмов по обету в связи с воинскими победами, избавлениями от мора и другими событиями объясняет строительство на протяжении столетий «бесприходных» церквей на московском «рву» перед Кремлем и на псковской «гребле» перед Кромом.

Ключевые слова: обетное строительство, Довмонтов город, Алевизов ров, Китай-город, «Петров чертеж», сакральная топография, программа донатора, крепостной ров, городские укрепления, «бесприходная» церковь.

В изучении средневековой архитектуры особая роль традиционно отводится определению причин строительства храма, его связи с обетной программой донатора. Это позволяет объяснить посвящения престолов, иногда выявить образец, установить смысловые связи между различными постройками одного заказчика.

Значительно менее прояснены закономерности в выборе места для обетного строительства в средневековом городе. Последние исследования сакральной топографии средневековой Москвы указали на возможность их существования, на определенное зонирование в обетном строительстве в городском пространстве¹. В этой связи особый интерес представляет берег Алевизова рва, который приобрел всеобщую известность не столько как одно из крепостных укреплений Московского Кремля, сколько как место сооружения собора Покрова на рву.

Наиболее раннее изображение территории Китай-города, прилегающей ко рву, можно увидеть на «Петровом чертеже» Москвы, датированным концом 1590-х годов (до надстройки Ивана Великого). Здесь реалистично изображен ров перед кремлевской стеной и широкий плацдарм, отделяющий застройку Китай-города от кремлевских укреплений. Вдоль рва, по левую сторону от Фроловских ворот Кремля, на

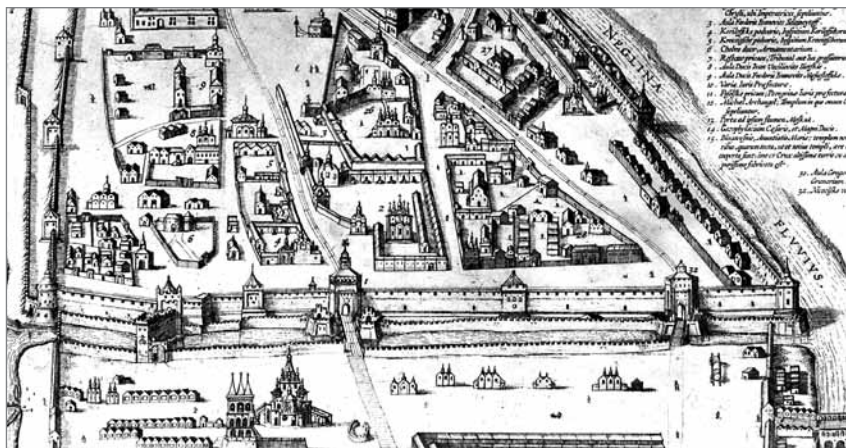
свободном от других сооружений плацдарме показаны поставленные на одной оси церкви. По правую сторону от ворот им соответствует здание Покровского собора со звонницей, за которым ниже показаны гражданские постройки и ближе к реке, почти напротив Константино-Еленинских ворот – две небольшие церкви.

«Петров чертеж», как и близкий к нему по времени «Кремленаград», фиксирует уникальную для Москвы градостроительную ситуацию, не имеющую аналогов в других частях города, – на берегу рва, на свободной от какой-либо застройки территории существует значительная группа, судя по местоположению, «бесприходных» храмов. (Ил. 1.) Удивляет прежде всего противоречие между организацией свободного плацдарма перед Кремлем, что имело обоснование в оборонительных и противопожарных требованиях, о чем будет сказано ниже, и сооружением на нем группы церквей.

Когда же стала складываться эта уникальная для Москвы ситуация? Прежде всего, нам неизвестно точное время появления плацдарма перед Кремлем со стороны посада. Летописные сведения относятся к расчистке территорий по другим направлениям от Кремля. Создание стратегических площадей, отделяющих посад от Кремля, происходило с насильственным сносом существующих строений. Это были плацдармы, отделяющие часть посада, называемого Занеглинем, от берега Неглинной со стороны Кремля. Они были устроены по приказу великого князя Ивана III в 1493 году². В 1494/95 году те же меры были приняты в отношении застройки, расположенной на противоположной стороне уже гораздо более широкой реки – Москвы³.

Расчистка плацдармов была сделана, в том числе, в противопожарных целях, поскольку летящие головни от горевших построек были более опасны, чем стрелы и ядра противника⁴. Эти меры имели и оборонительное значение, поскольку татары сжигали посад, от которого загорался и город, то есть Кремль. От этого оружия могли не спасти и водные преграды.

Разумеется, должен был существовать такой же плацдарм и со стороны посада, подступающего непосредственно к стенам Кремля. Об его устройстве летопись умалчивает, но допустимо, вслед за П.В. Сытиным, предполагать, что и он был устроен тогда же, в 1490-е годы⁵. Это должно было произойти после возведения восточной линии кремлевских укреплений. Под 6999 (1491) годом летопись сообщает о закладке итальянским архитектором Пьетро Антонио Солари Фроловской и Никольской башен, а также стены от Никольской башни к Неглинной⁶. Фроловская стрельница была совершена в том же году, а об окончании Никольских ворот, а также стены летопись умалчивает⁷. Вскоре, в 7000 (1491/92) году заложили стену между Фроловскими и Никольскими воротами и угловую стрельницу над Неглинной⁸. Таким образом, восточная линия кремлевских укреплений сформировалась

Ил. 1. Храмы «на рву». «Кремленаград». Гравюра. Начало 1600-х гг. Фрагмент

в начале 1490-х годов. Этими работами может определяться нижняя граница датировки плацдарма.

Ров, защищавший Кремль со стороны посада, упоминается значительно позже. Согласно большинству летописей в 7016 (1508) году великий князь велел «вкруг града Москвы ров делати камением и кирпичем и пруды чинити вкруг града Алевизу Фрязину»⁹. Судя по тексту, это были завершающие работы, вероятно, связанные с переустройством уже существующих земляных укреплений. Возможно, градостроительная ситуация, зафиксированная на «Петровом чертеже» и «Кремленаграде», окончательно сформировалась после 1508 года. Однако молчание летописей о расчистке плацдарма от застройки заставляет задать дополнительный вопрос, а была ли застроена эта территория до фортификационных работ 1491/92 года?

Археологические исследования Московской археологической экспедиции под руководством С.З. Чернова и Л.А. Беляева, проводившиеся на этой территории, выявили признаки ее застройки до конца XV века¹⁰. Эти сведения позволяют отнести образование плацдарма, условно, к рубежу XV–XVI веков.

Более сложным представляется вопрос о времени появления рва, поскольку с этим связана и история церквей, в наименование которых в источниках включено обозначение их места «на рву». Судя по топонимике, он существовал как дополнительное земляное укрепление еще при белокаменном Кремле, до его перестройки итальянцами. Летописи, описывающие московский пожар 1472 года, упоминают три храма «на рву» – это церкви Воскресения, Вознесения Господня и Рождества (точная конкретизация посвящения престола невозможна). О местопо-

ложении двух первых храмов летопись говорит достаточно определенно: «Того же лета месяца Июля в 20 в 3 час нощи загореся на Москве на посаде у Въскресения на рве, и горело всю ночь и на завтрие до обеда, и многое множество дворов згоре, единых церквеи изгорело 25, а горело оттуду по берегу до Въздвигения на Востром конци, да по Васильевской луг, да по Кулишку; а вверх от Въскресения **по рву** (выделено мною. – А.Б.) по Възнесение на рве, да по яр, да по Богоявление каменое, по Воскресение на Дмитриевской улице, да оттоле по Еупатеи святыи, по Кулижку же»¹¹. В описании пожара 1472 года речь, несомненно, идет о Китай-городе, прежде всего потому, что название «посад» без дополнительных уточнений относится в XV веке прежде всего к этой части Москвы. О каком же рве здесь идет речь? На этот вопрос помогает ответить последовательность распространения огня. Огонь перекидывается от церкви Воскресения «на рву» вниз к берегу Москвы-реки и идет вдоль берега до церкви Воздвижения Креста Господня на Востром конце (до места, известного позже как «в углу»), то есть к юго-восточному углу посада и, соответственно, доходит до Васильевского луга и Кулишек. Одновременно огонь идет вверх от церкви Воскресения до церкви Вознесения «на рву», а оттуда доходит до Богоявленского монастыря, то есть поднимается к северной части посада. Затем идет немного вниз к середине посада, на Дмитриевскую (современную Ильинскую) улицу к церкви Воскресения (может быть в Панех?). Далее огонь распространяется снова к северу, к церкви Ипатия Гангрского и подходит снова к Кулишкам. Из этого описания явствует, что и церковь Вознесения «на рву», и храм Воскресения находятся внутри посада. При этом церковь Воскресения ближе к Москве-реке, а церковь Вознесения ближе к Неглинной, где-то на одном уровне с Богоявленским монастырем. Есть все основания подозревать, что они стоят недалеко от рва, защищавшего кремлевскую стену со стороны посада, то есть подола, примерно по одной линии. Об этом говорит цитированный выше текст: «а вверх от Въскресения по рву по Възнесение на рве». Кроме того, между этими храмами существовали какие-то строения, сжигая которые огонь поднимался вверх «по рву». Этому во многом способствовал сильный ветер, о чем сообщает ряд летописей: «Была бы тогда и буря велми велика, огонь метало за 8 дворов и за боле, а с церкви и с хором верхи срывало»¹².

Упомянутые храмы находились или среди застройки, или в непосредственной близости от нее. Об этом косвенно говорит и описание начала пожара: «загореся на Москве на посаде у Вознесения на рве»¹³.

Иной рассказ об этом бедствии содержится в Типографской летописи: «В лето 6980 (...) Того же месяца в 20 погоре посад на Москве по реку по Москву да по Явоузу да по Здвижение да по Богоявление по каменую церковь да по Рожество на рве, и множество людей погоре»¹⁴. В отличие от Симеоновской и повторяющей ее известия Никоновской

летописей, это известие более лаконично. Оно кратко очерчивает уже знакомые по другим, более подробным описаниям границы пожара. Выражение «по Язу» перекликается со сведениями о распространении огня до Кулишек, а «по реку по Москву» – с тем, что огонь шел по берегу Москвы-реки до церкви Воздвижения на Востром конце. Типографская летопись упоминает храмы уже известные по другим источникам: «Богоявление», то есть Богоявленский монастырь, «Здвижение» – церковь Воздвижения на Востром конце. Новым является лишь упоминание о храме (?) «Рождество на рве». Его местоположение четко не определено. Сопоставляя все известные описания пожара 1472 года, можно прийти к выводу, что огонь не распространился за пределы посада благодаря направлению ветра, он не охватывает Кремль, не сжигает Загородье. Поэтому место храма или монастыря «Рождество на рве» следует искать на том же посаде. Вероятно, как и в других случаях (церкви Воскресения и Вознесения), топоним, включенный в его название, образован от рва, защищавшего Кремль. Можно было бы подозревать его связь со рвом, который пытались выкопать для защиты посада в 1394 году¹⁵, но против такого предположения говорит отсутствие топонима «на рву» или «на рве» в названии церковей посада, стоящих по его северной границе.

Таким образом, мы знаем о существовании трех церквей, стоявших у древнего кремлевского рва, а также о том, что они находились среди посадской застройки.

Нам неизвестна судьба этих храмов и их престолов после пожара 1472 года. Существуют сведения, позволяющие предполагать, что они были восстановлены. Так, под 1476 годом летописи сообщают: «Того же месяца (сентября. – А.Б.) 26, згорела церковь на Москве Вознесение на рве»¹⁶.

После расчистки плацдарма перед восточной линией укреплений они по идее должны были исчезнуть вместе с застройкой. Такова была судьба церковей в Занеглименье и в Замоскворечье. Тем не менее и слова летописи о строительстве собора Покрова «на рву» («бывали же церкви надо рвом»), и другие, более ранние летописные сведения, говорят о том, что ситуация, зафиксированная на «Петровом чертеже» и «Кремленаграде», сложилась значительно раньше. В отличие от плацдармов в Занеглименье и Замоскворечье здесь продолжают свое существование церкви, а также ведется новое храмостроительство.

Наиболее раннее известие о строительстве храма на рву относится к 1514 году, когда по повелению великого князя Василия III была «от реки поставлена на рве» церковь Всемилоственного Спаса¹⁷. Описание июньского пожара 1547 года обнаруживает, что к середине XVI столетия она не была здесь единственной храмовой постройкой. Судя по летописям, во время июньского пожара 1547 года Китай-город сгорел практически полностью. Об этом сообщает «Летописец начала цар-

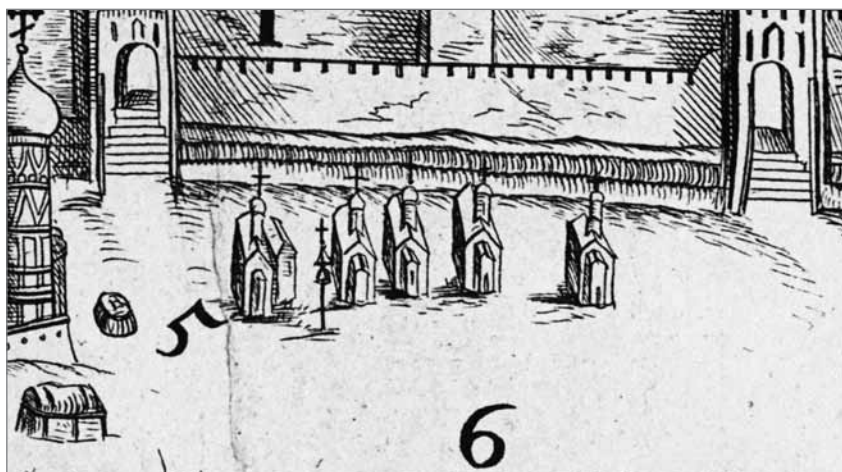
ства», входящий в различные летописные сборники, и «Степенная книга царского родословия»: «И выгоре все Занеглименье и болший посад и в обоих градах, древних и в новом (Кремль и Китай-город. – А.Б.)... и весь Велики торг, и вся яко в мгновении ока испепелишися»¹⁸. Вероятно, именно по этой причине Летописец начала царства, подробно показывающий путь огня по частям города, не указывает его «хождение» по Китаю и не перечисляет сгоревшие храмы. Он называет только две уцелевшие церкви, находившиеся на рве: «И в другом граде лавкы все и з животы погореша и дворы в граде все; едины две церкви Бог съхранил на рве Рожество Христово да Рожество Пречистые, да на Никольском хрестыце лавок з десять»¹⁹. Нет сомнений в том, что они были деревянными. Тот факт, что они уцелели, может объясняться их местоположением у рва на свободном пространстве плацдарма, отделяющим церкви от застройки Китай-города²⁰. Было бы соблазнительным видеть в одной из этих уцелевших церквей «Рожество на рве» 1472 года.

О существовании церквей на рву до середины XVI века свидетельствует и известная летописная запись о строительстве собора Покрова «на рву»: «И Божиаго ради дарованиа вздвизает сии храм великий государь... Божией Матери святыи Покров с приделы, надо рвом у града близ Флоровских врат; а преже сего на тех местех бывали же церкви надо рвом»²¹. Летопись не только описывает расположение храма рядом с «градом», то есть Кремлем, и его укреплениями, но и указывает на его строительство на месте существования других храмов. Итак, мы можем сделать вывод о том, что храмы на плацдарме у рва появились задолго до строительства собора Покрова Богородицы, который, как и другие церкви на этом участке, получил наименование «на рву».

Обетный храм встраивается в уже сложившуюся сакральную среду. Более того, мы точно можем сказать, что эта среда продолжала существовать и развиваться и после строительства собора. К сожалению, назвать точно число этих церквей и их посвящения в XVI веке мы не можем. К известным нам по летописи храмам Рождества Христова и Рождества Богородицы Ладанные книги конца XVI века добавляют лишь один – церковь Василия Кесарийского «на рву»²². Это не свидетельствует о соответствии этих сведений реальному числу храмов. Так, в этих Ладанных книгах отсутствуют сведения о выдаче ладана в храм Спаса Смоленского «на рву», который, несомненно, был восстановлен после пожаров 1547 и 1571 годов. Первые систематические сведения о престолах храмов, стоявших на рву, относятся только к началу XVII века. Они рисуют уже значительно более полную картину, вполне сопоставимую с тем образом городского пространства «надо рвом», который создается исполнителями «Петрова чертежа» и «Кремленаграда». Записи в Ладанных книгах 1613–1622 годов кроме храма Василия Кесарийского²³ называют церковь Богоявления «на рву» с приделом Феодосии Девицы (упоминается и как самостоятельная церковь)²⁴,

Рождества Богородицы «на рву» с приделами Зачатия Анны и Всех Святых²⁵, Усекновения главы Иоанна Предтечи «на рву»²⁶, Ризоположения «на рву»²⁷, Иоакима и Анны «на рву»²⁸, Апостола Андроника с приделом Марии Египетской²⁹, Рождества Христова³⁰, преподобного Сергия³¹, Всемилоственного Спаса (Смоленского)³². (Ил. 2.)

Все эти храмы должны были сгореть во время китай-городского пожара 1626 года. В 9 часов утра 3 мая загорелся двор жены Петра Третьякова, находившийся между улицами Варварской и Ильинской. Начавшийся пожар охватил вскоре весь Китай-город. По словам составителя Бельского летописца, весь Китай выгорел «без остатку». Сгорели дворы, торговые ряды, каменные лавки, палаты «и церкви деревянные и каменные», а также кровли на крепостных укреплениях – «в городе кровля и зубцы»³³. Летописец красноречиво подводит итог бедствия: «И не избыло деревянные ни каменные в городе Китае и в Кремле ништо цело»³⁴. По тому же Бельскому летописцу известно, что сила огня была столь велика, что загорелась глава Покровской церкви собора «на рву». Тем более могли сгореть и деревянные церкви на рву, несмотря на отделяющий их от застройки широкий плацдарм. После пожара 1626 года царь Михаил Феодорович повелел осуществить перепись улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе. Запись в них – одно из первых документальных характеристик той части Китай-города, на которой находились церкви «надо рвом»: «От Водяных от Спасских ворот и до Неглинских ворот меж каменных лавок и меж Кремля-города площадь и по рву церкви деревянные

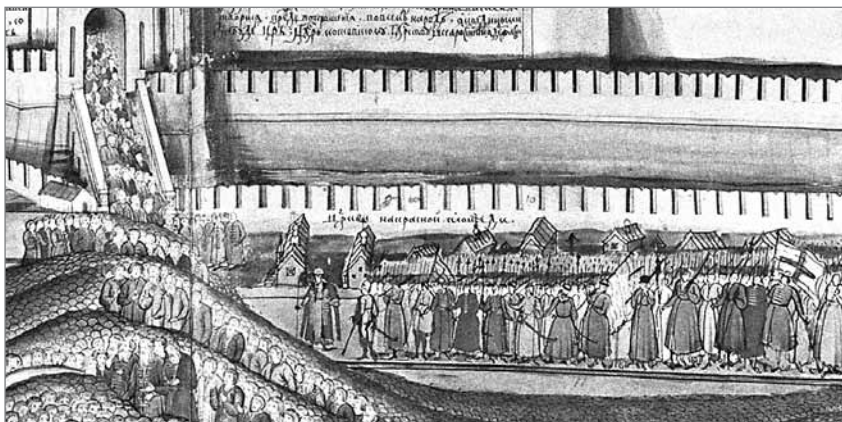

Ил. 2. Храмы «на рву» между Фроловскими (Спасскими) и Никольскими воротами Кремля. «Сигизмундов» план Москвы. Гравюра Л. Килиана. 1610. Фрагмент

и тому всему быть по прежнему, как было до нынешняго пожара»³⁵. В данном случае Спасскими названы Водяные ворота Китай-города, выходившие к берегу Москвы реки и получившие свое название от церкви Всемилоственного Спаса. Неглинские ворота – это ворота Китай-города, через которые открывался выезд из Китай-города в Занеглименье, через «годуновский» каменный мост. Запись в Переписных книгах представляется нам важной по двум причинам. Во-первых, это письменное подтверждение достоверности изображения этой части Китай-города на «Петровом чертеже» и «Кремленаграде». Во-вторых, это подтверждает представления о храмах на рву как о возобновляемых на тех же местах после пожаров. Эти церкви продолжают существовать и после пожара 1626 года. К ним добавляются, судя по Ладанным книгам конца 1620–30-х годов, прежде не упоминаемые церкви: Евангелиста Марка³⁶, Параскевы Пятницы³⁷, а также Св. Георгия³⁸ и Марии Магдалины³⁹.

Какие из этих престолов существовали в середине XVI века, точно сказать невозможно. Нельзя не заметить, что в 1610-е годы упоминаются храмы Рождества Христова и Рождества Богородицы «на рву», и у нас нет причин не видеть в них церкви, уцелевшие во время пожара 1547 года. Также и другие престолы, находящиеся на рву в начале XVII века, могли существовать еще в середине предшествующего столетия. Летопись не упомянула их в 1547 году по одной причине – они сгорели, как и остальные церкви Китай-города. Ряд этих храмов начинался и в середине XVI века у Водяных ворот Китай-города с церкви Спаса Смоленского и продолжался вдоль рва в направлении к Неглинским воротам этой крепости. С осени 1554 года в этот ряд встраивается собор Покрова «на рву».

К сожалению, относительно точная топография церквей на рву зафиксирована в достаточно позднем источнике – «Строельной книге» 1657 года. Здесь помещается список церквей «что на Рву меж Фроловских и Никольских ворот». Они поставлены в следующей последовательности: «7. Церковь Парасковей, нареченные Пятницы. 8. Церковь Василей Кесарийский. 9. Церковь Богоявления. 10. Церковь Феодосии девицы. 11. Церковь Евангелист Марк. 12. Церковь Иоанна Предтечи. 13. Церковь Риз Положения. 14. Церковь Препод. отец Сергий. 15. Церковь Никола Чудотворец. 16. Церковь Рождество Христово. 17. Церковь Воскресение Христово. 18. Церковь Офанасия и Кирилла. 19. Церковь Зачатие Богородицы. 20. Церковь Рождество Богородицы. 21. Церковь Всех Святых»⁴⁰. Нельзя не заметить, что в этом списке отсутствуют некоторые храмы, известные нам по Ладанным книгам более раннего времени (например, церкви Марии Магдалины (?), Святого Георгия «на рву»), но зато появляются другие – Воскресения и Афанасия и Кирилла. Это объясняется, во-первых, тем, что «Строельная книга» не упоминает придельные престолы, а во-вторых, некоторые из этих храмов могли находиться по другую сторону рва – от Фроловских

Ил. 3. Церкви «на рву» между Спаскими и Никольскими воротами Кремля. Миниатюра из «Книги о избрании на превысочайший престол великаго российского царствия Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея великия России Самодержца». 1672–1673 гг. Фрагмент

ворот Кремля к Водяным, Спасским или Москворецким воротам Китай-города. «Строельная книга» позволяет предположить, что последовательность перечисления храмов в ней соответствует их реальному размещению вдоль рва. (Ил. 3.)

Храмы «на рву» располагались и от Фроловских ворот в сторону Москвы-реки. Однако здесь их значительно меньше. В середине XVII века здесь были известны, кроме собора Покрова Богородицы «на рву», церковь Всемиловитового Спаса и Благовещения Пресвятой Богородицы с приделами святителя Николая и преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. На «Кремленаграде» за собором Покрова «на рву» в этом месте изображены два отдельно стоящих храма напротив Константино-Еленинских ворот. Несмотря на условность изображения, в целом, вероятно, это соответствует действительности.

С чем же это связано: с особенностями рельефа, исторической случайностью или с другими обстоятельствами? Чем тогда объяснить строительство обетного храма Василия III во имя Происхождения древ (Всемиловитового Спаса) в нижней части рва, на периферии плацдарма? Почему он не был поставлен ближе к Фроловским воротам? Может быть, ситуация была иной до строительства собора Покрова и Святой Троицы?

Характер рельефа в этой части Китай-города красноречиво описывают путешественники, например Генрих Штаден: «Там, где стоит храм, площадь сама по себе высокая как маленькая гора»⁴¹. Характерно, что в некоторых документах второй половины XVII века церковь Спаса Смоленского, стоявшая ниже собора Покрова «на рву», называлась

«Спаса Смоленского, что на Рву под горою»⁴². Это название соседнего храма красноречиво определяет характер рельефа.

Холм, на котором возведен собор, как оказалось при его обследовании, был частично насыпным. На аксонометрических планах Москвы собор изображен с восточной стороны. Отчетливо видно, что с этой стороны холм укреплен подпорной стеной. Судя по «Кремленаграду» и рисунку из описания путешествия Мейерберга, высота холма и подпорной стены увеличивалась по направлению к югу, в сторону Москвы-реки. Звонница стояла на особом контрфорсе, сложенном, судя по Мейербергу, из блоков белого камня. Подпорная стена существовала и с юга, где она обладала наибольшей высотой. При подсыпке холма и его укреплении во время строительства храма проводились значительные земляные работы. Поэтому есть основания полагать, что строительство собора достаточно изменило рельеф в этой части плацдарма, что могло повлиять и на расположение храмов.

На наш взгляд, ситуацию во многом объясняют уже цитированные слова летописи: «а преже сего на тех местех бывали же церкви надо рвом». Их можно понимать и буквально. Строительство собора могло значительно изменить сакральную топографию. Полагали, что некоторые престолы собора не связаны с памятью о Казанском взятии и могли быть перенесены из храмов, стоявших на месте строительства. Такое предположение относилось к придельной церкви Варлаама Хутынского. В то же время нельзя исключить возможность, что их престолы могли быть перенесены в качестве придельных в другие церкви, стоявшие «на рву» по другую сторону Фроловских ворот.

Особенности этого места во многом определяют и появление на данной площади собора Покрова «на рву» (царской обетной церкви за помощь Божию в одолении врага). Причины его выбора объясняли в литературе по-разному. По распространенной в советское время версии, Иван Грозный построил свой храм за пределами Кремля якобы для того, чтобы сделать его более доступным народу, так как в Кремле жила феодальная знать, враждебная прогрессивным начинаниям молодого царя⁴³. Историки градостроительства, полагая, что их современное восприятие Москвы адекватно тому, которое существовало в XVI веке, считали, что храм специально был построен в геометрическом центре столицы⁴⁴.

Пролить свет на причины строительства обетного храма у стен Кремля может история обетного великокняжеского строительства, связанного с воинскими победами. Наиболее ранние документальные свидетельства о сооружении обетных храмов в Москве относятся только к середине XV века. Известно, что начиная с 1451 года строительство церквей, связанных с воинскими победами, происходило в Кремле. Анализ выявляет некоторые рационально объяснимые особенности в выборе места для таких «мемориальных» храмов. Этот выбор

зависел, прежде всего, от возможностей заказчика, строившего храм на «своей» территории. Характерно территориальное разделение великокняжеского и митрополичьего обетного строительства. В XV веке храмы, заказчиком которых выступает митрополит, строятся на его «территории», а церкви великого князя – на великокняжеской. Труднее судить о сохранении этого правила в XVI веке. Делались разные предположения о подобном строительстве в Кремле в середине – второй половине XVI века. Е.С. Сизов предположил, что первым обетным храмом, построенным Иоанном IV после взятия Казани, был придел Покрова Богоматери нового (1505–1508 годов) Архангельского собора⁴⁵, где царь, отправляясь в третий Казанский поход, как и его предки, «молебная пев небесному Христову воеводе и у гробов родителей своих и прародителей простився»⁴⁶. Также предполагали (Н.Д. Маркина), что строительство в 1564–1566 годах трех из четырех приделов над сводами паперти Благовещенского собора, домового царского храма, связано с взятием Полоцка в 1563 году⁴⁷. Если бы эти предположения оказались правомочными, то мы с уверенностью могли сказать о продолжении в XVI веке традиции сооружения великокняжеских обетных церквей в Кремле на «великокняжеской» территории.

Однако вывод о связи Покровского придела с Казанской победой вступает в противоречие с данными летописи, позволяющими установить, что придел Покрова Богородицы существовал в Архангельском соборе до 1552 года⁴⁸. Полностью поверить в весьма привлекательную версию о связи трех приделов Благовещенского собора с Полоцкой победой мешает одно обстоятельство – ни один из появившихся в 1564–1566 годах приделов не связан с памятью снятых, праздновавшихся в дни осады и взятия Полоцка⁴⁹.

Таким образом, мы не находим подтверждений сохранения в XVI веке традиции обетного строительства в Кремле, связанного с воинскими победами. Напротив, практика XVI века показывает, что в отличие от предшествовавшего столетия храмы, связанные с возвращением под скипетр великого князя его «отчины и дедины», ставятся в другом месте – за пределами Кремля, на берегу рва, защищавшего его с востока, со стороны посада.

Достоверно можно говорить о том, что особая «меморативная» зона формируется здесь с начала XVI века. В 1514 году, после взятия Смоленска, здесь по повелению Василия III ставят обетный храм: «и во граде Москве князь великий церковь постави святого Спаса, происхождение честнаго креста господня, и святых мученик Маковей по плоти и учителя их Елеозара и матери их Соломонии, от реки поставлена на рве»⁵⁰. Ладанная книга 7127 (1619) года указывает на существование и еще одного придела у храма на рву – праведнаго Евдокима⁵¹. Программа Василия III была традиционна – возведение храма с престолами, посвященными святым и праздникам, вспоминаемым

в дни, когда произошла решающая битва или взятие города, – но отличалась широтой и включала не только день самого взятия Смоленска. В предпразднество Происхождения Святых Древ Честнаго Креста Господня, 31 июля, празднуется память святого Евдокима; в этот день произошла капитуляция Смоленска⁵². Великий князь торжественно вошел в Смоленск 1 августа «на Происхождение честнаго креста». Его встретил епископ Смоленский Варсонофий со всеми клириками города, несшими городские святыни и прежде всего «чудотворную икону пренепорочныа пречистыя Богоматере»⁵³. В этот день Церковь празднует Происхождение Древ и память семи мучеников Маккавеев: Авима, Антонина, Гурия, Елеазара, Евсевона, Алима и Маркелла, матери их Соломонии и учителя их Елеазара. Таким образом, престолы посвятили всем праздникам 31 июля и 1 августа. Взятие Смоленска было наиболее значительной победой Русского государства при великом князе Василии III. Строительство обетного храма сразу после возвращения из похода на этом месте не могло быть случайным. На протяжении почти десяти лет вплоть до основания Новодевичьего монастыря этот храм оставался единственным в сакральной топографии Москвы, связанным с памятью о взятии Смоленска. Разумеется, можно предположить, что уже тогда, в начале столетия, в Кремле не было места для строительства новой обетной церкви, хотя речь шла о небольшом деревянном храме. Напомним, что размеры свободных площадей в Кремле не помешали строительству в 1530-е годы огромной церкви Воскресения Христова рядом с храмом-колокольней Иоанна Лествичника. Поэтому прагматическое объяснение (поиск свободно-го места) вряд ли окажется исчерпывающим.

Какими бы ни были причины строительства на этом месте обетного храма 1514 года, сам факт свершившегося определяет сложение здесь особой зоны обетного строительства в благодарение за одержанные победы. О том, что плацдарм, отделяющий ров от Китай-города, стал таким местом, говорит и сооружение здесь храма, построенного по обету сына Василия III, Ивана Васильевича IV. Для его царствования взятие Казани сопоставимо по своему значению с присоединением Смоленска. И выбор царем Иоанном места для обетной церкви с аналогичной программой, предполагавшей создание церквей, «в которые дни Божия помочь и победа была православному царю над басурманы», был определен уже существующим прецедентом.

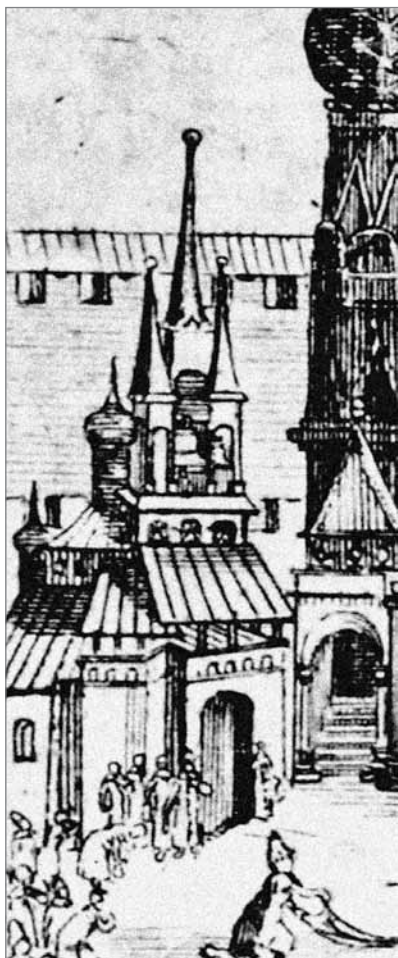
Эта преемственность более значима, чем все доводы об отсутствии места в Кремле и т. п. Напомним, что при Иоанне IV в Кремле велось новое строительство. Можно упомянуть о возведении Посольской палаты 1564/65 года, церкви Черниговских чудотворцев на Ивановской площади перед Иваном Великим и, вероятно, храма Александра Невского, известных в XVII веке с наименованием «на площади». На «Кремленаграде» собор Черниговских чудотворцев изображен в виде

одноглавой церкви, завершенной кокошниками, и с примыкающими с юга и севера приделами. Свободное место на Ивановской площади нашлось и в конце XVI века для строительства храма Воскресения Христова «Святая Святых».

Можно назвать различные другие причины сооружения собора Покрова на плацдарме перед кремлевским рвом, но единственная достоверная – формирование на рву особой зоны обетного строительства. Лишь отсутствие летописных данных не позволяет определить связь других храмов на рву с событиями в истории Русского государства. Однако то обстоятельство, что они были бесприходными и ружными, должно стимулировать подобные поиски.

Судя по некоторым свидетельствам, эта традиция продолжается и после строительства собора. Также есть основания для суждения о том, что самостоятельное значение приобретает территория вокруг собора. Их содержит источник, описывающий события начала XVII века. Так, в Новом летописце имеется описание чуда, произошедшего в Нижнем Новгороде и ставшего известным в стане второго русского (Нижегородского) ополчения под Москвой по чудесно объявившемуся среди воинов свитку. Из него явствовало, что некоему нижегородскому мужу по имени Григорий было во сне видение. Умными очами он увидел, как «верх с храмины его сняся» и ее заполняет свет, струящейся с неба. «И снидоша с небесе два мужа: един убо пришед и сяде на грудех ему, другому же стоящу у главы его. Рече предстоящий муж: “Господи! Что сидиши, а не поведаети ему?” Он же нача ему поведати сице: “Аще и сии человецы во всей Русской земле покаются и начнут поститися и попостятся три дни и три нощи, и не токмо старые и юны, но и младенцы, и Московское государство очиститьца”. Рече же Ему предстоящий муж: “Господи! Аще очиститьца Московское государство, како им даси царя”. Рече же ему паки: “Поставят храм новой у Троицы на рву и положат убо хартию на престоле; на той же харатье будет написано, кому них быть царем”»⁵⁴.

В связи с историей о нижегородском чуде следует обратить внимание и на церковь, стоящую в непосредственной близости от собора, с южной стороны от него. Впервые ее изображение мы находим на гравюре, иллюстрирующей описание путешествия в Московию Адама Олеария. (Ил. 4.) С юга от звонницы показана одноглавая каменная церковь с небольшим южным приделом. Этот храм изображен и в книге барона Мейерберга. (Ил. 5.) На рисунке, сделанном на 30 лет позже, четко различим одноглавый четверик этого храма с кокошниками и четырехскатной крышей. Показана также апсида, над южной частью которой возвышается барабан с главой, выступающий вперед по отношению к четверику. Судя по этому изображению, храм, как и звонница, стоял на подпорной каменной стене и, судя по этим изображениям, находился в непосредственной близости от нее.

Ил. 4. Церковь Апостола Андроника с приделом Марии Египетской. Гравюра из книги Адама Олеария (Olearius A. «Beschreibung der muscowitischen und persischen Reise». Schleswig, 1647). Фрагмент

список церквей, расположенных между Фроловскими и Никольскими воротами. При этом у него было одно кладбище с собором Покрова «на рву»: «церкви Покрова Богородицы и живоначальныя Троицы и церкви Марии Египетские старое кладбище от Тиунской и загорожено забором»⁵⁷. И эта скупая информация также соответствует изображениям XVII века и плану 1780 года.

В 1780 году был создан первый обмер собора Покрова «на рву» и его колокольни. Архитектором В. Яковлевым был обмерен храм, стоявший к югу от собора, и посвященный, судя по экспликации, святому Апостолу Андронику. Храм имел бесстолпный четверик и трехчастный алтарь. Северная апсида была шире центральной и не имела закругления с востока, что увеличивало площадь помещения. Здесь находился, как это было показано в экспликации, придел преподобной Марии Египетской. План этого сооружения соответствует облику церкви, изображенной у Олеария и Мейерберга к югу от звонницы. Это здание также находилось к югу от перестроенной в конце 1670-х годов колокольни и, по-видимому, не изменило при этой перестройке своего места.

Впервые церковь Апостола Андроника с приделом преподобной Марии Египетской упоминается в 1618 году в «Ладанной книге». При этом обращает на себя внимание, как писец локализует этот храм в записи о выдаче ладана: «что у Покрова на рву»⁵⁵. Это же определение сохраняется и в последующих записях за 1619–1620 годы⁵⁶. Храм Апостола Андроника с приделом Марии Египетской упоминается и в «Строельной книге» 1657 года, где он не входит в

Ил. 5. Церковь Апостола Андроника с приделом Марии Египетской. Гравюра из книги Августина Мейерберга «Путешествие по Московии» (1661–1662). (Воспроизводится по изд.: Мейерберг А. Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903)

Не был ли построен этот храм у собора Троицы «на рву» в связи с избранием царя Михаила Феодоровича? Это бы объясняло тот факт, почему она была уже каменной в 1630-е годы⁵⁸, тогда как другие храмы на рву, включая церковь Спаса Смоленского, оставались деревянными. Заповедь об общерусском покаянии и посте перед избранием царя, содержащаяся в описании нижегородского чуда, находит соответствие и в «Книге о избрании на превьсочайший престол, великаго россияскаго царствия, великаго государя царя, и великаго князя михаила феодоровича, всея великия россия самодержца» (1672–1673). Собор, созванный в Москве, указал по всем градам государства поститься три дня и молиться о даровании царя: «По всей же России все православныя хр(и)стиания моляхуся Б(о)гу о сем прилежно, постяшеся три дни, ни ядуще ни пию-

Ил. 6. Довмонтов город. Икона «Видение старцу Дорофею» из часовни Владычного Креста. 1784. Псковский государственный музей-заповедник. Прорись В.Д. Белецкого

ще, з женами и (з) детьми, и с сущыми мл(а)д(е)нцы»⁵⁹. Очевидно, что заповеданный в нижегородском чуде пост был осуществлен.

Не означает ли это, что был выполнен завет и об устройении храма? В этой связи можно указать на тот очевидный факт, что преподобная Мария Египетская, во-первых, являлась и является для всех православных христиан образом покаяния, а во-вторых, 14 апреля, в день памяти преподобной, была принесена присяга Собору царю Михаилу Феодоровичу. Во всех случаях существует ли связь с этими

событиями храма Апостола Андроника и преподобной Марии Египетской с событиями февраля 1613 года или нет, указание на строительство обетного храма рядом с собором Святой Троицы (Покрова) «на рву» говорит о том, что для первой трети XVII столетия берег рва был зоной обетного строительства, а ее сакральным центром стал первый каменный собор на рву.

Насколько наши предположения могут распространяться на все храмовое строительство «на рву»? Вопрос закономерен, поскольку из двадцати храмов «на рву» нам достоверно известны обстоятельства строительства только двух, а о третьем можно строить достаточно смелые предположения.

Однако у храмовой застройки «на рву» существует аналог – храмы на территории Довмонтова города, или «за Домантовой стеной» в Пскове. Обращение к нему может помочь пролить свет на механизмы образования на берегу кремлевского рва уникальной зоны храмового строительства.

Сходство топографических ситуаций в том, что храмы построены на территории, располагающейся за рвом вокруг Детинца, называемого в Пскове «греблей». Их местоположение отразилось в наименовании некоторых из них, включающих в себя топоним «гребля». Это церкви Николы «с гребли» и Кирилла, «что у Смердьего моста над греблей». Очевидно, что это составляет параллель топонимам московских церквей, поставленных за рвом укрепленного города – «на рву», «надо рвом».

Нет сведений о заселении или существовании в XII–XIV веках на территории Довмонтова города других фундаментальных построек. Он был полностью отдан храмовому строительству⁶⁰. В соответствии с особенностями ландшафта территория, застроенная храмами, ограничена по площади и имеет другую конфигурацию, нежели в Москве, и храмовая застройка носит более компактный характер. (Ил. 6.)

На территории Довмонтова города по псковским летописям и другим документам известно 15 храмов: Димитрия Солунского, Георгия Стратотерпца, Феодора Стратилата, Мученика Тимофея, Покрова Божией Матери, Святых Мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви, Входа Господня в Иерусалим, Воскресения Христова, Сошествия Святого Духа, Рождества Христова, Святителя Николая, Святого Кирилла, Святителя Афанасия, Феодора Тирона, Алексия Митрополита.

Раскопки, проводившиеся на территории Довмонтова города, выявили характер застройки этой территории, складывавшейся с XII по XVI век. К настоящему времени открыто более десяти церквей. (Ил. 7.) В литературе сформировалось представление об их идентификации. Псковское летописание позволяет восстановить картину каменного храмового строительства на этой территории, а также историю существовавших здесь церквей, не раз перестраивавшихся в течение своей истории.

Причины, определившие формирование особого участка церковного строительства перед Кромом за греблей, не комментировались в научной литературе. Существует лишь указания на то, что в конце XIV века Довмонтов город превращается в центр церковной жизни города⁶¹.

Летописная традиция, подтверждающаяся данными археологических исследований, позволяет считать одной из наиболее ранних по времени оснований церковь во имя святого Димитрия Солунского. Ее строительство относят к 1144 году, основываясь на тексте Псковской первой летописи, описывающей строительство новой каменной церкви Святого Димитрия⁶². Предание, зафиксированное в летописи, указывает на «патрональный» характер его сооружения князем Аведом-Димитрием. Псковская вторая летопись, как известно, называет в качестве строителя князя Всеволода Гавриила⁶³, что может быть результатом контаминации, искажающей сообщение Псковской первой летописи⁶⁴.

На территории Довмонтова города существуют и другие храмы, связанные с почитанием заказчиками своих патрональных святых. Так, известная здесь церковь мученика Тимофея Газского связывается с храмозданной деятельностью князя Тимофея-Довмонта. Распространенная редакция «Повести о Довмонте» указывает на ее строительство князем. Сообщение о сооружении церкви поставлено после описаний битвы на Двине с литовскими князьями и несостоявшегося похода князя Ярослава Ярославича на Псков. С князем Довмонтом связывает этот

храм и Псковская первая летопись, сообщая о сооружении каменной церкви в 1372/73 году: «В лето 6881. В то же лето поставлена бысть церковь камена святого Тимофея, Доманта князя»⁶⁵.

Другие храмы, которые, как указывает предание, были построены князем Довмонтом под стенами Детинца, связаны с его воинскими победами, с исполнением обета за молитвенную помощь святых, празднуемых в день ратного испытания. Традиция такого строительства хорошо известна, правда, в более позднее время. В «Повести о Довмонте» (в двух редакциях – Средней и Распространенной) сооружение обетных храмов связывается с тремя событиями – с битвой на Двине с литовскими князьями, произошедшей в день святого Леонтия Трипольского, со сражением с немцами в день Георгия Стратотерпца и с войсками «местера рисского» в день Феодора Стратилата. Средняя редакция сообщает о строительстве церкви во имя святого Леонтия и святого Феодора Стратилата, ничего не говоря о строительстве церкви Святого Георгия⁶⁶. Известие о ее строительстве, как и храма Феодора Стратилата, содержится в Распространенной редакции, «забывающей» о церкви святого Леонтия⁶⁷. Тексты этих редакций объясняют причины строительства каждого из упомянутых храмов тем, что князь обращался к молитвенной помощи этих святых⁶⁸.

Сообщения об обетном характере строительства князя Довмонта появляются только в редакциях «Повести», датирующихся не ранее XVI века. Однако, как уже отмечали исследователи, обсуждавшие степень достоверности этих сообщений поздних редакций «Повести», церкви Святого Георгия и Феодора Стратилата действительно были на территории Довмонтова города⁶⁹. Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что старшие редакции Повести, находящиеся в составе псковских первой, второй и третьей летописей, указывают дни совершения всех трех битв, акцентируя молитвенное заступничество к празднуемым тогда святым – святому Леонтию Трипольскому при битве на Двине⁷⁰, святому Георгию Стратотерпцу при Мироповне⁷¹, святому Феодору Стратилату при нашествии «местера земля Ризския»⁷². В то же время, на территории Довмонтова города известны храмы, посвященные двум из упомянутых в описании битв святым – святому Георгию и Феодору Стратилату. Вне зависимости от сообщений поздних редакций «Повести» они могут быть связаны с победами князя Довмонта, поскольку соответствуют известной традиции сооружения храмов во имя святых, память которых совершалась в дни решающих сражений. Поэтому связь этих храмов с событиями правления князя Довмонта, устанавливаемая Средней и Распространенной редакциями, может считаться вполне достоверной. Вероятно, церковь во имя святого Леонтия Трипольского, о которой нет более поздних сообщений в псковском летописании, все же существовала, но затем не была перестроена в камне или стала придельной.

Ил. 7. Довмонтов город.

1. Церковь Николая с гребли.
2. Храм № 2.
3. Церковь Кирилла.
4. Церковь Тимофея-Довмонта.
5. Церковь Дмитрия Солунского.
6. Церковь Феодора Стратилата.

7. Церковь Алексия митрополита.
 8. Церковь Сошествия Святого Духа.
 9. Церковь Покрова Богородицы.
 10. Церковь Рождества Христова.
- Генеральный план по В.Д. Белецкому

Поэтому есть все основания полагать, что уже во второй половине XIII века территория перед Детинцем-Кромом становится местом сооружения обетных храмов, связанных с воинскими победами.

О Довмонтовом городе как о месте особого обетного строительства свидетельствуют и обстоятельства сооружения других церквей.

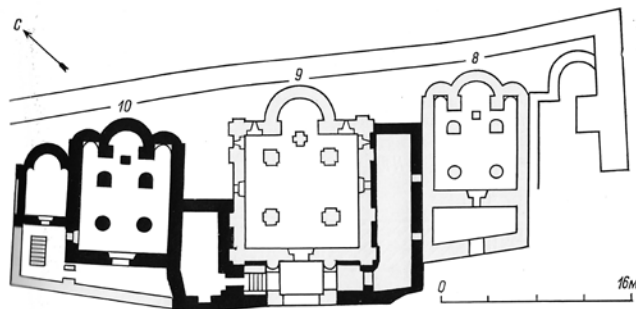
Ряд храмов, известных здесь, можно отнести к категории моленных, то есть поставленных в уповании на молитвенную помощь в избавлении от мора, уносившего жизни многих псковичей. Так, летопись сообщает об эпидемии, охватившей Псков и прилегающие земли в 6860 (1351/52) году: «Бысть мор зол в граде Пскове и по селом. <...> Того же лета псковичи поставиша церковь святыа богородица честному

ея Покровоу, за стеною, в стране святого Дмитреа. Тогда же архиепископ Василиеи приездил во Псков не в свои лета, ни во свою чероду, но тако хотя благословити детеи своих пскович и попов; и обоиде весь град с кресты и с всем священным събором. С молитвами и слезами, молящеся... о заступлении града и о всех людех живущих в нем о христе... дабы господь преставил многоналежащую тогда смерть на людех...»⁷³. Упоминание в этом контексте о строительстве церкви Покрова рядом с храмом Димитрия Солунского позволяет связать его закладку с молением о заступничестве Божией Матери и о прекращении по ее молитвам мора. Первый храм был деревянным. В 6906/07 на его месте был поставлен каменный⁷⁴.

О возведении во время мора подобных моленных храмов на территории Довмонтова города может свидетельствовать Псковская первая летопись, сообщающая под 6915 годом о новой эпидемии («Тогда же бяше во Пскове мол велик зело»). Псковичи решили, что испытание ниспослано из-за псковского князя Даниила Александровича и просили его покинуть город: «яко тебе ради бысть не prestaющи мор сии оу нас, поеди от нас». Горожане попросили великого князя Василия Дмитриевича прислать им на княжение его брата князя Константина Дмитриевича. Князь Константин приехал в Псков 15 марта и, как пишет летопись, «тогда оумысли князь святых отца нашего архиепископа иерусалимского Афанасия; и создана бысть месяца марта, в 29 день, на память святого мученика и отца Акакия в един день совершивше и освещша... дабы преставил бог належащую болезнь смертную»⁷⁵. Первоначальная деревянная церковь Афанасия Иерусалимского была заменена каменной в 6946 году⁷⁶, а затем, видимо, полностью перестроена в 6991 году⁷⁷.

Моленным или обетным храмом могла быть и другая церковь Довмонтова города – во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, построенная в 6860 (1351/52) году купеческим сообществом города: «В лето 6860-го. Церковь святыя София поставиша коупцы древяною новоую»⁷⁸. Эта церковь и впоследствии оставалась на иждивении псковских купцов. В 1414/15–1415/16 годах была построена новая каменная церковь⁷⁹. В 1464/65 году псковские купцы «повелением раба божия старосты купецкого Якова Ивановича Кротова и всех рядович купцов» покрыли церковь железом⁸⁰.

Судя по замечаниям летописи, «за Домонтовой стеной» могли построить храмы во имя патрональных святых и простые псковичи. В 1373/74 году церковный мастер Кирилл поставил на этой территории каменный храм «в свое имя, святыи Кирилл, оу Смердиа моста над греблею»⁸¹. Строительство подобных храмов, не соединенных ни с княжьем двором, ни с местом проживания мастера Кирилла, может носить обетный характер, связанный с упованием на молитвенную помощь своего святого покровителя.

Ил. 8. План размещения храмов на восточной границе Довмонтова города. Чертеж В.Д. Белецкого

О заказчиках и обстоятельствах строительства других храмов (церкви Николая над греблей, Рождества Христова, Сошествия Святого Духа, Входа Господня в Иерусалим, Алексия Митрополита) сведений нет, но то, что известно, позволяет представить территорию «за Довмонтовой стеной» как место обетного и моленного строительства.

Разумеется, моленные и обетные храмы строились не только за Довмонтовой стеной. Так, например, во время мора 1441–1442 годов («начаша мерети канун Николина дни зимняго, и мряху все лето») князь Александр Феодорович, посадник Юрий Тимофеевич, архимандрит Григорий «и попы вся три собора помыслившее со псковичи и единым днем поставиша церковь Похвалы святей Богородицы на Романове горке...»⁸². Однако застройка «за Довмонтовой стеной» складывалась преимущественно из подобных храмов. Это происходило постепено с течением времени, состав церковей здесь пополнялся в результате испытаний, постигавших Псков, и преодоленных по молитвенному заступничеству святых, которым были посвящены алтари построенных здесь храмов. Как уже отмечалось в литературе, храмы, стоявшие здесь, были бесприходными. С начала XV века некоторые из них стали центрами новых псковских соборов – третьего, четвертого, пятого и шестого.

Особый статус территории определил и характер церковной застройки, выявленный в результате археологических исследований, систематизированных В.Д. Белецким, а также отраженный частично в локализации храмов в летописных статьях. Открытые археологами храмы стояли в непосредственной близости друг от друга. Некоторые из них соприкасались стенами с соседними храмами. Так, например, церкви Сошествия Святого Духа, Покрова Богородицы и Рождества Христова образовывали строчную застройку улицы, ведущей к мосту «через Греблю в Кром к Троице». (Ил. 8.)

Псковский аналог замечателен тем, что особенности псковского летописания и агиографические произведения позволяют проследить если не причины, то, по крайней мере, хронологическую канву формирования застройки. В Москве ситуация другая. Мы не знаем времени появления на рву большинства церквей, нам известны обстоятельства строительства только двух из них. Однако уже то, что мы знаем, позволяет увидеть не только формальные, но и содержательные параллели с Довмонтовым городом. Здесь совпадение и в местоположении, и в том, что храмы и в Москве, и в Пскове являются бесприходными. Строительство московских храмов на рву могло быть вызвано аналогичными причинами.

Таким образом, исторический материал позволяет нам выявить один феномен в зонировании обетного строительства: в двух средневековых русских городах существуют участки храмовой застройки, расположенные за стенами крепости, на берегу крепостного рва. Здесь создается особое сакральное пространство, связанное с почитанием святых и праздников, связанных с проявлением милости Божией к городу и к отдельным его жителям. Вероятно, можно говорить о градозащитной сути этого явления, но его смысловая идентификация требует отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Баталов А.Л., Беляев Л.А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010; Баталов А.Л., Вайнтрауб Л.Р. и др. Церковная археология Москвы: Храмы и приходы Ивановской горки и Кулишек / Под общ. ред. А.Л. Баталова. М., 2007; Баталов А.Л. Образ святого града и сакральная топография средневековой Москвы // Искусство христианского мира. М., 2007. Вып. X. С. 188–200.
- 2 «Того же лета повелением великого князя Ивана Васильевича церкви сносиша и дворы за Неглимною, и постави меру от стены до дворов сто сажен да десять». Полное собрание русских летописей. (Далее ПСРЛ). СПб., 1901. Т. XII. С. 236. (Репринт. М., 2000).
- 3 «Того же лета князь великий повеле снести церкви и дворы за рекою Москвою против города и повеле на тех же местех чинити сад». Там же. С. 240.
- 4 Обратим внимание на то, что расчистка плацдарма по Неглинной происходила в тот же год, когда случился опустошительный пожар, в апреле 1493 года, на Радоницу (ПСРЛ. Т. XII. С. 235). Те же причины предшествовали устройству садов в Замоскворечье. В том же 1493 году, в июле, загорелась церковь в Замоскворечье – Николы на Песку (Там же. С. 236). Начавшаяся буря перенесла горящие головни на другой берег к посаду, где загорелась церковь Всех Святых (в которой одни видят церковь, стоявшую у современного Большого Каменного моста, а другие – храм всех Святых на Кулишках). Оттуда огонь перекинулся в

- Занеглименье, которое полностью выгорело. Загорелся и Кремль, выгоревший снова полностью. (Там же. С. 237). Во избежание повторения и были снесены постройки на берегу Москвы-реки.
- 5 Сыгин П.В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. М., 1950. Т. 1. 1147–1762. С. 43.
 - 6 «Тоя же весны, Марта заложил Петр Антоней Фрязин две стрельници: едину у Фроловских ворот, а другую у Николских ворот; а Никольскую стрельницу не по старой основе заложил, да и стену до Неглимны». ПСРЛ. Т. XII. С. 228.
 - 7 Там же. С. 231.
 - 8 «Того же лета от Фроловские стрелници и до Николские заложиша подошву и стрелницу новую над Неглимную с тайником заложиша». Там же. С. 233.
 - 9 ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII. С. 8. (Репринт. М., 2000). Судя по Владимирскому летописцу, работы начались в 7015 году: «Того же лета почали делати стену камени в рве от Неглинны от круглой стрельници к Николским воротам». ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 14. (Репринт. М., 2009).
 - 10 Сообщено доктором исторических наук Л.А. Беляевым.
 - 11 Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 242. (Репринт. М., 2007).
 - 12 Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М., 1949. Т. XXV. С. 297. (Репринт. М., 2004).
 - 13 Там же. Т. XII. С. 148; Т. XVIII. С. 242.
 - 14 Типографская летопись // ПСРЛ. Петроград, 1921. Т. 24. С. 192. (Репринт. М., 2000).
 - 15 Беляев Л.А. Проблемы архитектурной топографии Москвы XVI века // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 458, 465. Примеч. 25.
 - 16 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 253; Т. XXV. С. 309; Т. XII. С. 169.
 - 17 Владимирский летописец // ПСРЛ. М., 1965. Т. XXX. С. 141. (Репринт. М., 2009).
 - 18 Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. Степени XI–XVII. С. 354.
 - 19 Летописец начала царства // ПСРЛ. М., 1969. Т. 29. С. 52.
 - 20 Заметим, что эти храмы не сгорели и в предшествующий пожар Китай-города 12 апреля 1547 года: «...во вторник светлые недели в 9 час дни, загорелася в торгу лавка в Москотилном ряду. И погореша лавки во всех рядех града Москвы со многими товары от Никольского крестца и до речной стены градные, и гостины дворы великого князя, и дворы людцкие и животы многие погореша от Ильинские улицы и до городной стены, от площадки и до речной стены городные, церкви и монастырь Богоявленской и Ильинской» (Там же. С. 51). Если бы эти церкви не были отделены от застройки, они должны были сгореть во время этого пожара, когда горели торговые лавки, составлявшие первые ряды застройки Китай-города со стороны Кремля. В этом случае они скорее бы всего не фигурировали в описании июньского пожара (поскольку прошло всего около двух месяцев).
 - 21 ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII (1). С. 252. (Репринт. М., 2000).

- 22 Книга расходная 7093 (1584/85) г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ед. хр. 198. Л. 225 об. (31 декабря 1584 года).
- 23 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ед. хр. 397. Л. 36, Ед. хр. 398. Л. 21.
- 24 Там же. Ед. хр. 398. Л. 124–125.
- 25 Там же. Ед. хр. 397. Л. 2; Ед. хр. 398. Л. 128–128 об.; Ед. хр. 399. Л. 3, 104 об.
- 26 Там же. Ед. хр. 398. Л. 130–130 об.
- 27 Там же. Ед. хр. 398. Л. 104–105.
- 28 Там же. Ед. хр. 399. Л. 60–61 об.
- 29 Там же. Ед. хр. 397. Л. 54–54 об., 66; Ед. хр. 398. Л. 70 об.; Ед. хр. 399. Л. 99 об. – 100.
- 30 Там же. Ед. хр. 398. Л. 20 об. – 21; Ед. хр. 399. Л. 92 об. – 93.
- 31 Там же. Ед. хр. 401. Л. 69–69 об.
- 32 Там же. Ед. хр. 399. Л. 33–34.
- 33 Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 267.
- 34 Там же. С. 267–268.
- 35 Переписные книги города Москвы 1738–1742 гг. М., 1881. Т. 1. Стб. 9.
- 36 Книга расходная 7138 г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ед. хр. 408. Л. 19 об.
- 37 Там же. Ед. хр. 408. Л. 19 об.
- 38 Книга расходная 7141 г. // Там же. Ед. хр. 411. Л. 11–11 об.
- 39 Книга расходная 7137 г. // Там же. Ед. хр. 407. Л. 73–73 об. (возможна контаминация с церковью Марии Египетской).
- 40 Строельная книга церковных земель 7165 года // Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. М., 1891. Ч. II. Стб. 6. (Далее – Материалы, II).
- 41 Генрих Шгаден. Записки о Московии. М., 2008. Т. I: Публикации. С. 161.
- 42 Ружная книга 7189 // Материалы, II. Стб. 389.
- 43 Снегирёв В.Л. Памятник архитектуры храм Василия Блаженного. М., 1953. С. 20.
- 44 Бунин А.В. История градостроительного искусства. М., 1953. Т. 1. С. 300.
- 45 Сизов Е.С. О происхождении Покровского придела Архангельского собора в Кремле // Советская археология. (Далее СА). 1969. № 1. С. 245–249.
- 46 ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. С. 108. (Репринт. М., 2000).
- 47 Маркина Н.Д. Из истории возникновения приделов Благовещенского собора в 60-х годах XVI века // Материалы и исследования / Государственные музеи Московского Кремля. М.: Искусство, 1973. Вып. 1. С. 73–85.
- 48 В.В. Кавельмахер выдвинул предположение о том, что придел Покрова Богородицы относится к «древним» приделам собора и находился первоначально в северном предалтарии собора рядом с жертвенником (Кавельмахер В.В. О приделах Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002. С. 150). Однако анализ летописных известий говорит о том, что, во-первых, придел не мог появиться ранее 1520-х годов, а во-вторых, находился не в северном предалтарии, а за северными апсидами Архангельского собора. Поэтому существующее здание придела появилось не позже 1540-х годов, которыми датируется Воскресенская летопись (Подробнее см.: Баталов А.Л., Беляев Л.А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010).

- 49 Разумеется, значения праздников – Собор Архангела Михаила и всех небесных сил бесплотных, а также Собор Пресвятой Богородицы и Вход Господень в Иерусалим – позволяют связать появления приделов с благодарственной молитвой о взятии Полоцка. Однако все известные примеры строительства обетных храмов в Москве после взятия городов великим князем показывают, что посвящения их престолов были связаны с празднованиями памяти святых, совершавшимися в дни осады и штурма. Их отсутствие в Благовещенском соборе мешает разделить убежденность в «полоцкой» мотивации строительства приделов.
- 50 Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. С. 141.
- 51 Павлович Г.А. Храмы средневековой Москвы по записям ладанных книг (Опыт справочника-указателя) // Сакральная топография Средневекового города / Под ред. А.Л. Баталова и Л.А. Беляева. М., 1998. С. 161.
- 52 ПСРЛ. Т. XIII. С. 19: «князи и бояря Смоленские град отвориша, а сами поидоша к шатром великому государю челом ударити и очи его видети, да туто и приказалися великому государю и крест целовали».
- 53 ПСРЛ. Т. XIII (1). С. 19.
- 54 Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XIV. С. 115. (Репринт. М., 2000).
- 55 Павлович Г.А. Указ. соч. С. 159.
- 56 Там же. С. 159–160.
- 57 Строельная книга церковных земель 7165 г. Стб. 6.
- 58 Изображения храма позволяют его отнести и к концу XVI, и к первой трети XVII столетия. Напомним, что для первых десятилетий царствования Михаила Феодоровича характерно возведение церквей, архитектура которых сознательно ориентирована на образцы гоудуновского времени. На рисунке Мейерберга четверик завершается кокошниками, над которыми показан достаточно высокий объем, завершенный четырехскатной кровлей, над которой поставлен барабан с главой. Примерно так же изображено и завершение придела Василия Блаженного. Рисунок Мейерберга позволяет предположить, что первоначально храм Апостола Андроника был завершен горкой кокошников, частично закрытой четырехскатной кровлей. Этому не противоречит и гравюра Адама Олеария, где он изображен с высокой четырехскатной кровлей над вертикальной стенкой с кокошниками, вероятно, первого яруса. Архитектурные формы, которые прочитываются на изображениях храма 1630-х и 1660-х годов могут быть сопоставлены с обликом одного из самых ранних храмов Михаила Феодоровича – церковью Покрова в Рубцове.
- 59 «Книга об избрании на превысочайший престол, великаго российского царствия великаго государя царя, и великаго князя михаила феодоровича, всея великия россия самодержца» // Книга об избрании на превысочайший престол великаго Российского царствия великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея Великия России самодержца. Из собрания Музеев Московского Кремля. Исследования. Комментарии. Текст / Отв. ред. А.Л. Баталов, И.А. Воротникова. М.: Арткитчен, 2012. (Л. 11 об.). С. 94.
- 60 В.Д. Белецкий считал, что на территории Довмонтова города уже на рубеже XII–XIII веков существовала гражданская постройка, а к началу XIV века здесь

находились две каменные гражданские постройки (Белецкий В.Д. Довмонтов город. Архитектура и монументальная живопись XIV века. Л., 1986. С. 25). Со ссылкой на его более раннюю работу И.К. Лабутина писала, что в середине XII в. церковь Святого Димитрия Солунского была построена на территории посада, «о чем можно судить на основании археологических раскопок, обнаруживших в западной и центральной частях Довмонтова города деревянные жилые и производственные помещения» (Лабутина И.К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1985. С. 205). В атрибуции фрагментов построек как гражданских сооружений XII–XIII веков усомнился В.В. Седов, подчеркнувший, что стратиграфия и письменные источники, а также анализ кладки не позволяют датировать XIII веком раскрытые памятники (Седов В.В. Псковская архитектура XIV–XV вв. Происхождение и становление традиции // Архив архитектуры. Вып. 3. М., 1992. С. 42). Речь в его работе шла о церковных сооружениях, но его выводы касались косвенно и гражданских построек.

- 61 Лабутина И.К. Указ. соч. 1985. С. 242.
- 62 «В лета 7032... Поставлена бысть церковь каменная святыи великомученик христов Дмитреи новая в Домантове стене и священна бысть на его праздник, октября в 26 день; а старая церковь первая бысть во Пскове каменная с кирпичем, а поставил благоверный князь Авед, нареченыи во святем крещении Дмитреи, а мощи его лежат оу Спаса на Мирожии, на левои стране под стеною; а стояла первая церковь в Домантове стене великомученик христов Дмитреи 400 лет без 20». Псковская первая летопись (далее П1Л) // ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 103).
- 63 «Тоя же зимы Всеволод преставися в Плескове, месяца февраля в 11 день... а в неделю положен в церкви святого мученика Дмитрия, еже сам создал». Псковская третья летопись (далее ПЗЛ) // ПСРЛ. М, 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 77).
- 64 «В лето 6640. Того же лета преставися князь Всеволод во граде Пскове, месяца февраля в 11 день, в четверток сырныи недели, а в неделю положен бысть в церкви святыи Троицы, ея же бе сам создал». П1Л // ПСРЛ. 5. Вып. 1. С. 10.
- 65 П1Л // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 23. Текст летописи не говорит о том, что храм был освящен после перестройки во имя святого князя Тимофея-Довмонта, а может указывать на память о нем как о заказчике. И.К. Лабутина справедливо указывает, что храм не менял посвящения святому мученику Тимофею (Лабутина И.К. Указ. соч. С. 206–207).
- 66 Охотникова В.И. Повесть о Довмонте. Исследование и тексты. Л., 1985. С. 206–209.
- 67 Там же. С. 217, 219, 221.
- 68 Например, о храме святого Леонтия: «...милостию святцыи троицы и помощью святого мученика Леонтия Трипольскаго супротив враг и 700 муж победи... и коего дни бысть преславная та победа, созда князь блаженный храм во имя святаго» (Средняя редакция / Охотникова В.И. Указ. соч. 1985. С. 206–207), или о церкви Феодора Стратилата: «По сих же благочестивый князь созда церковь во имя святого мученика Христова Феодора Стратилата, его же мо-

- литвами розби иноплеменных полки...» (Распространенная редакция // Там же. С. 221).
- 69 Седов В.В. Указ. соч. 1992. С. 39. И.К. Лабутина указывала на возможность отнесения сообщения «Повести» к церкви Георгия на Болоте в Застенье, поскольку, как она считает, в Довмонтовом городе известен лишь придел святого Георгия у церкви Воскресения (Лабутина И.К. Указ. соч. С. 207). Однако упоминание этого храма как придельного в источниках XVI–XVII веков не отвергает еще самостоятельность этой церкви в более ранний период. Известие 1386/87 года о строительстве каменного храма Святого Георгия не позволяет определить его местоположение («В лето 6895... Того же лета заложиша камени церковь святого Георгия». Псковская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 5, Вып. 2. С. 29). Более точная локализация содержится в сообщении под 1548 годом о строительстве церкви Святого Георгия в Довмонтовом городе: «В лета 7056-го. Месяца июля в 8 день поставлена бысть церковь в Домантовы стены и освящена святого великомученика Георгия... а строил поп той церкви Иван Амбросьевъ Просол церковною казною». (ПЗЛ // Там же. С. 231.) В этом известии речь идет о самостоятельном храме.
- 70 Охотникова В.И. Указ. соч. С. 190, 194, 197.
- 71 Там же. С. 191, 194, 198.
- 72 Там же.
- 73 ПЗЛ // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 100, 102.
- 74 «В лето 6906. Поставлена бысть церковь камена Покров святеи богородицы, в Домантове стене, межю Рожеством и Духом святым». (П1Л // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 26) или: «В лето 6907. Поставлена быша две церкви камены Покров святыя богородица, в Домантове стене и Михаил свьи на Поли в женском манастыри; а поставил Захария Фоминич» (П2Л // ПСРЛ. Т. 5, Вып. 2. С. 30).
- 75 П1Л // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 30.
- 76 «Того же лета совершена бысть церковь камена в Домантове стене, иже во святых отца нашего Афонасия архиепископа иерусалимскаго» (Там же. С. 44).
- 77 «Того же лета поставиша три церкви каменных: в Домантове стене Афанасий святыи...». Там же. (Продолжение Погодинского списка). С. 79.
- 78 П1Л // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 22.
- 79 «В лето 6923. И того лета церковь святыя София разбиша; того же лета и новую начаша делати» (П1Л // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 33). 1416 г. «В лето 6924. Того же лета свершена бысть церковь камена святых мучениц треи дев Веры и Любви и Надежды и матери их Софии в Домантове стане» (Там же. С. 44).
- 80 Там же. С. 71.
- 81 Там же. С. 23.
- 82 Там же. С. 46.